

СЛОВО И ПОНЯТИЕ *ГРАЖДАНИН* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII в. (К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ)

Г. В. ДУРИНОВА

Со времен так называемого «лингвистического поворота» в гуманитарных науках (вторая половина XX в.) социально-политический лексикон различных европейских языков составляет предмет изучения *Begriffsgeschichte* (истории понятий). История слова и выражаемого им понятия — сфера традиционных вопросов исторической семантики, однако ввиду своей изначальной специфики (принадлежность исторической науке, а не лингвистике), история понятий выступает как метод исследования прежде всего внеязыковой действительности. Одним из положений главного идеолога *Begriffsgeschichte* Р. Козеллека является тезис о том, что социально-политические понятия являются не только фактором, но и индикатором исторических изменений. Обоснование этого утверждения, как представляется, возможно лишь при исследовании собственно-языковой логики формирования значения слова.

Прежде чем начинает формироваться представление о правовом субъекте, само понятие о нем должно стать востребованным. В древнерусской юридической традиции отсутствует позиция правового субъекта. Существенные изменения происходят в ключевых законодательных текстах XVIII в. В «Регламенте» Петра I впервые наблюдается попытка создать терминологическую систему, где базовым элементом являются слова с корнем *гражд-* (*гражданин-гражданство*). Коммуникативная структура текста организована таким образом, что именно *гражданин* выступает как адресат дискурса власти. Обратное действие наблюдается в «Грамоте городам» Екатерины II, где последовательно элиминируется терминологическое значение слова *гражданин*. Однако в последней трети XVIII в. появляется «альтернативный» официальному дискурсу власти язык: язык публицистики. Здесь велика роль отдельной языковой личности, сознательно ведущей поиски значения тех или иных языковых форм. Для публицистов этого времени характерно, в сущности, франко-русское двуязычие, что позволяло переносить значения французского социально-политического термина *citoyen* на русское слово. Специфика русского концепта *гражданин* проявляется в вынесении значимых элементов значения в синтагму (такие характеристики, как *добрый*, *мыслящий* и др.). Эти собственно-языковые параметры составляют то, что Р. Козеллек назвал «темпоральной структурой понятия», а сама история этого понятия предстает как последовательная реализация семантического потенциала языковой формы.

Мне кажется, что различие вашего и моего мнения происходит от несходных понятий, сопрягаемых нами.

(А. М. Кутузов, 1790)

История понятий как предмет лингвистики

Традиционно присущий гуманитарным наукам интерес к смысловым категориям, в которых «репрезентует» себя определенная эпоха, в настоящее время находится в центре направления *Begriffsgeschichte*, или истории понятий. Оформившийся в области исследовательских интересов представителей Билефельдской историографической школы¹ и распространившийся в западной науке благодаря работам Р. Козеллека, метод *Begriffsgeschichte* сегодня активно применяется к исследованию российской истории и культуры².

Впрочем, методом *Begriffsgeschichte* является лишь условно — это, в сущности, «зонтиковый термин», объединяющий различные подходы к анализу того, что Р. Козеллек обозначил как «темпоральная структура понятия». Однако сам этот термин, несущий, очевидно, немалый смысловой заряд для Козеллека, не получает четкой трактовки в работах по истории понятий, а принимается как самоочевидный. В результате мысль Козеллека о том, что понятия, обладающие темпоральной структурой, «представляют собой смешение прошлого опыта, современной реальности и ожиданий от будущего»³, зачастую сводится к довольно тривиальной метафоре, за которой стоит модель линейного исторического времени от «прошлого» к «будущему».

Р. Козеллек был историком, и его интересовали вопросы социальной истории, но теоретическая мощь его концепции выводит мысль за пределы описания исторической реальности, ставя вопрос о том, что же является «фактором» этой реальности.

Слова, вынесенные в эпиграф данной статьи, — цитата из одного письма А. М. Кутузова (1790 г.), на которую обращает внимание читателя историк Е. Н. Марасинова, усматривая в них квинтэссенцию историко-культурных и языковых конфликтов эпохи XVIII в. И хотя интерес к языковой составляющей исторического дискурса — значимый и постоянный компонент исследований по русской истории понятий, для историков «*Begriffsgeschichte*... выступает не как главная цель исследования, а как инструмент изучения источника, облегчающий путь от понимания текста к пониманию внетекстовой действительности»⁴.

¹ О Билефельдской школе в историографии см., напр.: *Турьгин А. А.* «Билефельдская школа»: теоретико-методологические основы и их критика в современной историографии ФРГ: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2006. РГБ ОД, 61:07-7/210.

² Библиографию работ см. в: *Понятия о России. К исторической семантике имперского периода* / Д. Сдвижков, И. Ширле, ред. М., 2012. Т. 2. С. 444–451.

³ *Козеллек Р.* К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // *История понятий, история дискурса, история метафор* / В. Дубина, ред. М. 2010. С. 27.

⁴ *Марасинова Е. Н.* Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 104.

О. Г. Ревзина, рассматривая три подхода к анализу концептов, представленные в трудах Ю. С. Степанова, В. В. Виноградова и Р. Козеллека, делает акцент на потенциально заложенной продуктивности *Begriffsgeschichte* именно для лингвистики. «Как бы ни понимался “лингвистический поворот” в разных европейских школах, в центре внимания всегда оказывалась история, а вовсе не язык ... Но мы можем повернуть вопрос и вместо лингвистики на службе истории сказать об истории на службе лингвистики. Напомню, что среди важнейших вопросов, поставленных Р. Козеллеком перед исторической наукой, был вопрос о собственно историческом времени. Изучение эволюции исторических концептов было важно для Р. Козеллека не само по себе (в конце концов тот факт, что понятие государства не совпадает в разные исторические эпохи и в разных странах, достаточно самоочевидно), а именно с точки зрения истории и ее времени. Здесь ключевым является вывод Р. Козеллека о том, что основные историко-социальные понятия — это не только «индикаторы», но и факторы исторических изменений. Эти два положения Р. Козеллека могут быть распространены на изучение языка. Его история, в том числе историческая лексикология, всегда ориентированы на хронологическое время... Вопрос о “специфическом языковом” времени, если перефразировать Р. Козеллека, даже о наличии такового фактически не ставится»⁵.

Однако в том, чтобы изучать социально-политические концепты, не уходя в проблематику исторической науки, состоит одновременно и большая трудность, и большой соблазн. Трудность заключается в теснейшей «референциальной спайке» слов социально-политического лексикона с внеязыковой реальностью, что создает мнимую очевидность языкового содержания этих терминов. Соблазн же состоит в том, чтобы довериться результатам анализа этих понятий в работах историков, забывая, что у лингвиста и историка различны не только объект и цели исследования, но и понимание понятий, в которых осуществляется анализ. Так, говоря о «контексте» появления того или иного слова-понятия, историк имеет в виду контекст событийный⁶, а лингвист — контекст собственно-языковой (сочетаемость, синтагматика). Такие примеры расхождений можно множить.

Эти различия, в сущности, делают невозможным «кумулятивное взаимодействие» исторического и лингвистического анализов: прирост знания в каждой из областей имеет, очевидно, исключительную важность для истории понятий, однако не нанизывается на одну и ту же ось («история понятий...не имеет отношения к истории слов, даже как часть социальной истории»⁷). Разницу этих двух логик в отношении *Begriffsgeschichte* сформулировал Б. П. Маслов: «Для филолога слово выступает как носитель значения (а не как одно из возможных выражений внеязыкового понятия) и, в частности, как гарант преемственности значения в истории. Соответственно существенный вес получает научная этимология... и

⁵ Ревзина О. Г. Темпоральная структура концепта // Языковые параметры современной цивилизации. Сборник трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю. С. Степанова. М., 2013. С. 190–191.

⁶ См., в частности: Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX в. Челябинск, 2011.

⁷ Koselleck R. Futures past. On the semantics of historical time. N.-Y., 2004. P. 76. Здесь и далее при цитировании работ на иностранных языках перевод выполнен автором статьи.

его словообразовательная и морфологическая структуры, которые действуют на семантику напрямую — помимо логики понятийных полей»⁸.

Для лингвиста понятие контекста неразрывно связано с пониманием того, что смысловая структура слова есть актуализация суммы смысловых потенциалов языковых единиц в композиции текста⁹. Из этого следует, прежде всего, эпистемологическая самодостаточность отдельного контекста (в широком смысле) для реконструкции смысловой структуры слова. Поэтому, несмотря на то, что «писать историю отдельных, изолированных понятий невозможно»¹⁰, максимально широкий объем текстов не является прямым условием точности.

Другое (и более существенное) расхождение исторического и лингвистического подхода к анализу одного и того же материала проявляется в типологии вычленимых понятий. Формально исследуются одни и те же слова (например, *император, империя, государь, монарх, самодержец, отечество, народ, общество, гражданин, благородное сословие, подданный* и пр.), однако «фокус» настраивается совершенно различным образом. Так, перечисленные слова с точки зрения исторической науки могут образовывать следующие терминологические группы: 1. Самоидентификация власти; 2. Понятия, выражающие представления власти о личности и иерархии в обществе; 3. Терминология, определяющая взаимоотношения личности дворянина и власти¹¹.

С точки зрения лингвистики эти слова — конститутивные элементы определённого типа дискурса, пронизывающие одновременно три его составляющие — когнитивную, коммуникативную, языковую (Ревзина О. Г.)¹². Так, когнитивная составляющая ставит вопрос о том «мыслительном запросе», который обеспечивает функционирование этих слов в дискурсе; коммуникативная составляющая подразумевает определение отправителя и получателя сообщения (и перечисленные слова распределяются по полюсам адресант-адресат). Для понимания языковой составляющей важным, например, будет являться десемантизация словообразовательной связи *государь-государство* или ироническое переосмысление внутренней формы слова *самодержец* («самого держат в кабале»), присутствующие публицистике Д. И. Фонвизина.

Слово *гражданин* неоднократно становилось предметом исследований — как в исторической науке, так и в лингвистике. В первом случае итогом анализа должен стать вывод о том, кто назывался «гражданином» в данный исторический момент и какова правовая, социальная и политическая структура, стоящая за этим понятием. Понятие *гражданин* «эволюционирует» на протяжении XVIII в. от «употребления слова для обозначения общности места проживания», когда оно «не имело надындивидуального характера»¹³, до «абстрактного образа гражданина, имеющего, в отличие от ревностного российского подданного, не

⁸ Маслов Б. П. Рождение и смерть Добродетели в России: о механизмах пропаганды понятий // Понятия о России. М., 2012. Т.1. С. 345.

⁹ Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2014.

¹⁰ Козеллек. Указ. соч. С. 22.

¹¹ Марасинова. Власть и личность... С. 106.

¹² См.: Ревзина. Безмерная Цветаева. Опыт системного описания поэтического идиолекта. М., 2009. С. 530–563.

¹³ Тимофеев. Указ. соч. С. 76.

только обязанности, но и права», «отвлеченного социального субъекта, проживающего в некотором «благоустроенном умеренность наблюдающем государстве» и охраняемого «одинаковыми для всех сограждан законами»¹⁴.

Лингвистические исследования сводятся к реконструкции истории слова, изменениям в его денотативном объеме, приведшим к «распаду единого лексико-семантического гнезда *град-/гражд-*»¹⁵ — т. е. к выделению этапов возникновения у слова *гражданин* социально-политического значения¹⁶. Вопрос все время ставится следующим образом: «Когда *гражданин* перестал означать то же, что и *горожанин*?». В работах по истории понятий решающим признается влияние семантической структуры французского *citoyen*¹⁷. При этом «адаптация западных идей в лексиконе образованного российского подданного» (Д. В. Тимофеев) признается лишь отчасти успешной, а чаще всего — нереализованной, искаженной, абстрактной.

Точка зрения, согласно которой динамика русских исторических, культурных и языковых процессов рассматривается как своего рода производное от «западного влияния» является достаточно устойчивой априорной позицией многих исследований. А. Л. Янов, жестко полемизируя с такой концепцией российской истории, называет подобную априорную установку «правлящим стереотипом»¹⁸. Но даже не вступая в эту полемику и не претендуя на обоснование какой бы то ни было модели, нельзя не согласиться с высказанным намного раньше утверждением В. М. Живова: «Отнести эту кардинальную особенность русской истории на счет российской “отсталости” или, что, по существу, то же самое, на убывание европейского градиента — это значит ничего не объяснить»¹⁹.

Вопрос, как представляется, заключается не в том, в какой момент слово *гражданин* насыщается социально-политической семантикой, а в рамках какого общезыкового процесса именно это слово оказывается востребованным для выражения формируемого понятия о правовом субъекте. Сравнивая сложившуюся в русском языке терминологическую ситуацию с ситуацией в других европейских языках, нельзя не спросить: «Почему в русском языке *гражданин* и *горожанин* разные слова?»

¹⁴ Марасинова. Рабы и граждане в Российской империи XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 105.

¹⁵ Алексеев А. А. История слова гражданин в XVIII в. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1972. Вып. 1, янв.-фев., т. XXXI. С. 73.

¹⁶ См.: Улуканов И. С. Историческое словообразование. Историческая лексикология. М., 2012.

¹⁷ О соотношении с французским понятием *citoyen* см.: Дуринова Г. В. История понятия *гражданин* и вопрос о происхождении *общества* // От формирования ценностей к изобретению традиций. Сборник XIII международной научно-практической конференции молодых ученых «Векторы развития современной России» / М. Г. Пугачев и др., ред. М., 2015. (на 02.12.2014 в печати)

¹⁸ См.: Янов А. Л. Россия и Европа: 1462–1921. Книга 1. Европейское столетие России. М., 2008.

¹⁹ Живов В. М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М., 2002. С. 295.

Уравнение с двумя неизвестными

«Слово *гражданин* часто употреблялось применительно к истории античного мира, обозначая граждан — свободных членов римских городов-полисов, в отличие от бесправных рабов, — отмечает В. В. Веселитский. — Слово *гражданин* получало известное социальное наполнение, хотя при этом последнее тесно переплеталось с общим значением слова — ‘житель города, горожанин’»²⁰.

Это замечание воспринимается сегодня как общее место и самоочевидный факт: действительно, достаточно открыть «Словарь языка XVIII в.», чтобы убедиться, что часть примеров (и большая) отсылает именно к понятию римского “гражданина” (это, в основном, переводная литература), а другая часть примеров обозначает “горожанина”²¹. Хорошо известны и отдельные примеры употреблений, традиционно связываемых с «зарождением» социально-политического значения. На такие примеры в языке А. Д. Кантемира указывает и В. В. Веселитский²².

В недавнем обширном исследовании по истории понятий Д. В. Тимофеев для XVIII в. прослеживает историю понятия «гражданин» от перевода книги Пуфендорфа, выполненного по инициативе Петра I, до «Наказа» Екатерины II²³. Складывается аналогичная картина, согласно которой присутствие социально-политической семантики градуально, и оно последовательно возрастает на протяжении XVIII столетия.

В основе такого описания лежит представление о том, что понятие существует вне языкового воплощения, а некоторое «случайное» слово данного языка с течением времени все больше «насыщается» этим понятием, пока наконец не сольется с ним в единое целое, как *boeuf* в известном рассуждении Э. Бенвениста²⁴.

Несогласие с подобной установкой не может быть связано с однозначным разрешением одного из «вечных вопросов» в лингвистике, но может отталкиваться от критерия продуктивности и объяснительной силы. Понять нечто о том, что, когда и почему означало слово *гражданин*, возможно только решая уравнение с двумя неизвестными: с понятием X и лексическим значением слова Y.

²⁰ Веселитский В. В. Из наблюдений над языком произведений А. Д. Кантемира (общественно-политическая лексика) // Процессы формирования лексики русского литературного языка (От Кантемира до Карамзина) / Ю. С. Сорокин, ред. М.-Л., 1966. С. 36-37.

²¹ Ср.: «Великое людеи множество от отечества изгнанное, в городах Голландских засели, и оныя великим гражданов числом умножили.» (Пуф. Ист. 1718); «Богатство, казне принадлежащее, есть токмо средство, и часто худо понимаемое, содержать частных граждан <фр. orig. les particuliers> в мире и изобилии.» (Руссо; и др.) (Примеры даны в упрощенной орфографии). Цит. по: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (02.12.2014).

²² «Все, что я пишу — пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданам моим вредно быть может.» (Кантемир А. Д. Сатира II, 1 ред., предисл.); «Сколько бы большее число было благонравных граждан, если б всякую нашу шалость ответственность были должны наши воспитатели.» (Кантемир А. Д. Сатира VII, примеч.). Цит. по: Веселитский В. В. Указ. соч. С. 38.

²³ Тимофеев. Указ. соч. С. 74–123.

²⁴ См.: Benveniste E. Problèmes de linguistique générale. V. 1. Paris, 1966. P. 51. Рус. изд.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

В этом уравнении есть две переменные: русский и церковнославянский варианты (*горожанин* и *гражданин*).

Слово *гражданин* (варианты *граженин*, *гражанин*) встречается в переводных и оригинальных старославянских памятниках и sporadически в древнерусских, *горожанин* — в оригинальных древнерусских²⁵. Рассматривая контексты употребления этих слов, И. С. Улуханов последовательно выявляет контексты, где слово обозначает жителя города или жителя страны²⁶. Некоторые примеры контекстно толкуются в социально-политическом ключе («подчиненные люди, обладающие определенными правами», «гражданское начало»²⁷). Однако выделение этих значений остается на уровне интерпретации конкретного случая, и объясняется самим И. С. Улухановым переводным характером текста, что не проливает свет на семантику слова *гражданин*, вне связи с греческим *polites*. Вывод, к которому приходит исследователь, таков: «Употребление слова *гражанинъ* в оригинальных памятниках отличается от его употребления в переводных. По-видимому, живая речь и связанное с ней разговорно-литературное койне XI–XIV вв. не знали слова *гражанинъ* в значении ‘житель страны, подданный’. Живая речь, возможно, вообще не знала этого слова»²⁸. Одновременно И. С. Улуханов замечает, что выбор между *горожанинъ* и *гражанинъ* часто оказывается контекстуально обусловлен: «Наблюдается явная зависимость от употребления слов *город-градъ* в непосредственно предшествующем контексте»²⁹. Фактически речь идет не о разных значениях двух слов, а о «дистрибутивном» функционировании двух форм, наподобие ситуации диглоссии³⁰. Поэтому в вопросе о «формировании русского юридического сознания определяющее значение имеют характеристики плана выражения»³¹.

Это замечание В. М. Живова принципиально. Речь идет о «юридическом дуализме», выразившемся в параллельном существовании двух правовых традиций — византийская юридическая норма и русское право — обслуживаемых церковнославянским и русским языками соответственно. «Четкая грань между русским и церковнославянским правом обусловлена тем фактом, что церковнославянское право...было недействующим»³², оно имело культурный статус и служило «важным идеологическим источником»³³, тогда как русское право обслуживало «сферу быта» и было реально функционирующим. В древней Руси складывается уникальная юридическая ситуация, при которой «право, лежащее в сфере культуры, не действует, а действующее право лежит вне культуры»³⁴.

²⁵ Данное соотношение не является абсолютным. Это отмечает И. С. Улуханов, а конкретные (единичные) случаи нарушения соотношения прослеживаются в недавней работе: Лукин П. В. Древнерусские понятия «горожанин», «гражанин», «гражданин» // Российская история. 2014. № 4. С. 140–146.

²⁶ Улуханов. Указ. соч. С. 246–248.

²⁷ Там же. С. 246.

²⁸ Там же. С. 247–248.

²⁹ Там же.

³⁰ О концепции диглоссии в языке русского права см.: Живов В. М. Указ. соч. С. 187–290.

³¹ Живов. Указ. соч. С. 189.

³² Там же. С. 217.

³³ Там же. С. 228.

³⁴ Там же. С. 235.

Т. Н. Кандаурова для периода XI — кон. XVI вв. выделяет следующие типы соотношений полногласных (ПГ) и неполногласных (НПГ) форм: 1. ПГ и НПГ тождественны по значению, но различны по функционально-стилистическому параметру (форма выбирается в зависимости от предмета речи — «возвышенного» или «бытового»); 2а. ПГ форма обозначает понятие, НПГ — как общее понятие, так и конкретный референт; 2б. НПГ > ПГ по семантическому объему. НПГ форма обладает «дополнительным семантическим элементом «даже для тождественного с ПГ значением»³⁵. Например, *град* может обозначать как русский, так и чужой, иностранный город, а *город* — только русский (ср. в топонимах: Белгород, Вышгород и др.).

Со второй половины XVII в. ситуация меняется: «Усвоение новому законодательству культурного статуса, выразившегося в его уподоблении законодательным актам византийских императоров и в прямом заимствовании ряда византийским норм ... Деловой язык...подвергался сознательной архаизации и славянизации; такая сознательная славянизация свидетельствует о новой культурной значимости Уложения»³⁶.

Итак, «предпочтение» славянизма русизму в юридических текстах с конца XVII в. отражает процесс соединения правовой сферы с культурной, что означает, с одной стороны, придание юридической практике «идеологического веса» (т. е. значения в большей степени обобщенно-абстрактного, нежели у конкретного «случая» судебной практики в древнерусских текстах). С другой стороны, «юридическое сознание переносит на [новое право] атрибуты культурного права, как оно понималось в России. Основной атрибут культурного права — его недействительность»³⁷.

Таким образом, сам факт функционального различия русской и славянской форм и связанной с этим специфики культурного сознания, для которого в законодательно-юридической практике преобладает идеологическое (а не прагматическое) значение, предопределил расхождение вариантов *гражданин* и *горожанин* как двух разных лексических единиц (Ср. англ. *citizen*, фр. *citoyen*, ит. *cittadino*).

На этот факт уже указывалось исследователями истории понятия *гражданин*: «Теря свое первоначальное значение «горожанин», [понятие *гражданин*] наполнялось исключительно государственно-правовым или нравственно-этическим смыслом и не отягощалось этимологической связью с наименованием класса «буржуа»³⁸. Однако если для историка эта формулировка является ответом на вопрос о значении исследуемого понятия, то с точки зрения лингвистического интереса она, напротив, лишь поднимает целый ряд значимых вопросов и вызывает несколько принципиальных возражений.

³⁵ Кандаурова Т. Н. О характере оппозиций в парах соотносимых между собой неполногласных и полногласных слов (на материале древнерусского письменного литературного языка XI—XIV вв.) // Ученые записки Московского государственного педагогического института. М., 1967. С. 377.

³⁶ Живов. Указ. соч. С. 244.

³⁷ Там же. С. 256.

³⁸ Марасинова. Рабы и граждане в Российской империи XVIII в. ... С. 108.

Во-первых, «теряло» ли что-то слово *гражданин* — вопрос открытый и могущий быть решенным отрицательно (слово не пережило никакого «запрета» на обозначение жителя города). Во-вторых, действительно ли оно не «отягощалось» значением ‘буржуа’ (или «третьего чина») в общем и целом, мы не знаем (ведь мы исходим из того, что понятие — неизвестное У); об этом можно судить лишь по конкретным текстам. В-третьих, то, что слово наполнялось «исключительно» политическим и/или нравственным значением, не может быть оценено как некая ущербность. Вне всякой оценочности это наблюдение обнаруживает существеннейший признак русского концепта *гражданин* (что проявляется позже в языке декабристов), который должен быть рассмотрен отдельно (это рассмотрение выходит за рамки данной статьи).

Позиция правового субъекта и адресат дискурса власти

В отличие от ситуации, описанной В. М. Живовым, при которой церковнославянский и русский варианты обслуживали два «разных» права, а впоследствии славянизмы стали вытеснять русизмы на уровне терминологии, пара *горожанин-гражданин* не функционировала в законодательных текстах. Это объясняется отсутствием семантической позиции правового субъекта в древнерусских законодательных текстах. Участники правовой ситуации, по-видимому, вплоть до «Уложения» 1649 г. не мыслились как абстрактные участники типической, а не единичной, ситуации, и средства их номинации преимущественно синтаксические, а не лексические. Ср. типичные средства номинации до «Соборного Уложения»: *Аже кто убиет...то платити, Аще будет на кого поклепная вира* (Русская Правда); *А которому посаднику сести на посадничество, ино тому посаднику крест целовати, А коли будет с кем суд, А кто положит доску на мъртваго* (Псковская судная грамота 1467 г.); *А каков жалобник к боярину приидет...а давати всем жалобником управа в всем, А побьются на поли в пожеге...ино на убитом исцево доправити* (Судебник 1497 г.); *А кто възыщет человекех по жалобнице...а те два за собя и за иных товарищев отвечают* (Судебник 1550 г.)³⁹.

В «Уложении» система социально-административной иерархии вырисовывается гораздо более отчетливо, получая лексическое выражение. Показательно, однако, что элементом, несущим дифференцирующий признак, является атрибут, а базовым (константным) элементом термина является слово *люди*⁴⁰. Так, различаются следующие типы «людей»: *приказные, ратные, имянитые, городовые посадские, обыскные, служилые, всяких чинов, воинские, приезжие городовые тяглые/торговые, посадские черные мастеровые, русские (VS иноземские, некрещенные)*. «Человек» же может быть *имяной и прожиточный, мастеровый, русский (VS иноземец)*.

³⁹ Здесь и далее без специальных указаний цит. по: Хрестоматия по истории государства и права России / Ю. П. Титов, ред. М., 2013.

⁴⁰ Ср.: Ц.-сл. *людие* в знач. «народ (избранный или Божий народ пртвп. **языкомъ** языческим народам)» (Седакова О. А. Церковнославяно-русские паронимы. Материалы к словарю. М., 2005. С. 173. *Людие* соответствует греч. *laos* (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб., 1902. С. 91–92), *языкы* — греч. *ethnos* (Срезневский. Указ. соч. Т. 3. СПб., 1912. С. 1648).

Такая структура термина («атрибут + *люди/человек*») отвечает дескриптивному характеру юридическо-правовой ситуации, участники которой не имеют «внеситуативного» статуса.

Более существенным здесь представляется тот факт, что названные термины не образуют диалогической структуры, то есть выступают исключительно как предмет — назовем условно — дискурса власти, но не как участники данной коммуникативной ситуации. Это означает, что (уже исключительно по структурно-текстовым критериям) они не могут выступить в роли того, что может быть названо «правовым субъектом». Следовательно, позиция правового субъекта может появиться только одновременно с лингвистической перестройкой коммуникативной рамки текста.

Вероятно, именно этот процесс мы наблюдаем в тексте «Регламента или устава главного магистрата» (1721 г.) Петра I.

«Регламент» Петра I и термин «третьего чина»

Всю совокупность слов с корнем *-град-/-гражд-* в тексте «Регламента» можно разделить на два типа употреблений, которые условно назовем «терминологизированным» и «этимологическим». В соответствии с последним единый синонимический ряд составляют такие номинации: *градские жители, гражданские жители, градские люди, гражданин, мещанин*. В соответствии с первым типом выстраивается следующая терминологическая система (в скобках представлены контекстуальные синонимы):

Люди (подданные, слуги, рабы) разделяются на *градских людей (обывателей, жителей)* и *духовенство*. *Градские люди* делятся на *граждан, подлых людей, иностранных*. *Граждане* далее подразделяются на *первостепенных граждан (знатные граждане, 1 гильдия)* и *регулярное гражданство (подлое гражданство, 2 гильдия)*⁴¹.

Наиболее общая классификация предполагает деление на «гражданство» и «иных чинов людей».

Очевидно, что изначально базовым термином классификации является слово *люди* (и в этом продолжается терминологическая традиция «Уложения»). На первом уровне противопоставления (*градские люди / люди*) образуется своего рода привативная оппозиция, дифференциальный признак — сема, выражаемая корнем *град*. На втором уровне противопоставления (*граждане—подлые люди*) сема, образовавшая привативную оппозицию, получает «монополию на термин», вследствие чего его материальная оболочка изменяется (*граждане*). На третьем уровне противопоставления (*знатные граждане / подлое гражданство*) базовый термин классификации — *граждане*, а *люди* не получают дальнейшей дифференциации. Именно базовый термин образует собирательную номинацию «гражданство».

Существенный сдвиг в структурно-коммуникативном аспекте текста состоит в «обретении» адресата в самом тексте. Этот вывод исходит из выявления двух

⁴¹ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). Т. 6. № 3708 (URL: http://www.ner.ru/e-res/law_1/descript.html)

моделей отношений «власть — подданные», выражающихся дистрибуцией и характером сочетаемости слова *гражданин*. Ср.:

Модель 1: власть — подданные ('обязанности')

Поборы	с граждан	<i>экономич.</i>
Сборы		
Судити	граждан	<i>юридич.</i>
Службы	гражданские	<i>политич.</i>
Начальство	гражданское	
Порядки	гражданские	<i>социальн.</i>

Модель 2: подданные — власть ('права')

Записаться	в гражданство
Польза	гражданская
Права	гражданские

Из сочетаемости, представленной в Модели-1, можно сделать вывод о том, что, в сущности, термин *гражданин* — речь не о том абстрактном социально-политическом термине, который должен в какой-то момент «появиться», а о конкретном, формирующемся в композиции текста «Регламента» — это термин, сочетающий в себе экономический, юридический, политический, социальный параметры. Фактически названные параметры позволяют интерпретировать термин *гражданин* как термин «третьего чина», на «поиск» которого было направлено немало усилий публицистики конца XVIII в.

Та совокупность текстовых, смысловых связей, сочетаемости, которая присутствовала при «рождении» термина *гражданин*, имеет, думается, достаточно высокую степень устойчивости. Политический, социальный, административный субъект, который был назван этим словом, являлся участником множества конкретных бытовых ситуаций, подвергающихся законодательной регламентации. Ср.: «Что до градского суда...не надлежит ни гражданскому, ни военному начальнику, гражданина к своему суду [в канцелярию] позывать; но подлежит на такого...в Магистрате бить челом, и по гражданским правам у гражданского начальства суда на него искать»⁴², «требовать от Юстиц-коллегии каждому Магистрату гражданских прав, по которым Магистрату судные дела отправлять надлежит, потом обстоятельные ведомости собрать (к сочинению купеческих уставов и прав гражданских), також разделение в гражданских нациях цехами определить»⁴³. Из контекста ясно, что «права гражданские» — не что иное, как некий набор правил, инструкций, очевидно, имеющих конкретное приложение в повседневной практике. Поэтому нельзя считать, что тот *гражданин*, который существует в тексте «Регламента», не получает совсем никакого узуального закрепления. Однако такое «узуальное закрепление» было довольно скоро вытеснено совсем иным.

⁴² Там же. С. 300.

⁴³ Там же. С. 303.

«Грамота городам»: разрыв с традицией

Следующий после «Регламента» официальный текст, имеющий значительное распространение, это «Грамота городам» Екатерины II (1785). Логично было бы ожидать какой-то степени корреляции с предшествующей терминологической системой. Ее специфика заключается, как отмечалось выше, в том, что она появляется одновременно с позицией адресата во внутритекстовой коммуникативной структуре. Адресат в коммуникативной рамке текста и становится «вакантной позицией» правового субъекта, для номинации которого используется церковнославянизм. В «Грамоте городам» разительным контрастом выступает обилие лексем с полногласной формой корня и отсутствие какой бы то ни было «монополии» неполногласной формы на статус термина. Так, представлены следующие лексемы:

<i>Городовые</i>	доходы
<i>Городовая</i>	обывательская книга
<i>Городовая</i>	(мещанская) выгода
<i>Городовой</i>	обывательский список
<i>Городская</i>	дума
<i>Городское</i>	общество
<i>Городские (-ая)</i>	службы (-а)
<i>Городской</i>	глава
<i>Гражданская</i>	служба
<i>Гражданские</i>	дела
<i>Градское</i>	общество
<i>Градские</i>	свидетели
<i>Градский</i>	суд

Терминологическим статусом обладают только два словосочетания: *общество градское* и *городовая обывательская книга* (они выступают как цельные единицы с фиксированным порядком слов).

Семантический объем слова *гражданин* сужается вхождением в синонимический ряд: *граждане городов — обыватели — обитатели города — городовые обитатели — городовые мещане*. Здесь наблюдается полный разрыв с традицией употребления, которая должна была идти от «Регламента» Петра I. Термином «третьего чина» становится составное «городовые обитатели среднего рода, люди», а терминологическая пара *гражданин — гражданство*, имеющая в тексте «Регламента» системный смысл, теряет внутреннюю логику. Так, *гражданство* — термин, покрывающий лишь тех «городских обывателей», которые среди «всякого гражданина» имеют собственность и записаны в городскую обывательскую книгу. Это *гражданство* неоднородно — один из его «классов» составляют «именитые граждане», где определяющим является экономический критерий.

Текст «Грамоты» во многом возвращается к типологии дескриптивных текстов без формально выражаемой внутренней коммуникативной рамки, вследствие чего *гражданин* фактически теряет понятийное содержание, кото-

рое делало его элементом терминологической системы. Кроме того, позиция правового субъекта, или адресата «дискурса власти» снова становится невозможной — по крайней мере, такая установка исходит от структуры и лингвистического содержания текста. Это проявляется особенно ясно в контекстах, эксплицирующих отношение *общества градского и гражданина*. Так, возможно «исключить из общества градского гражданина». Учитывая, что *общество градское* имеет терминологический статус (содержание его внеситуативно), смысловое наполнение слова *гражданин* напрямую зависит от того, «исключен» он из градского общества, или нет. В первом случае у слова появляется понятийное содержание (элемент административно-социальной, правовой структуры), во втором — этого содержания нет. Ср. также подобные контексты: «Да не взыщется в обществе градском личное преступление гражданина»: *гражданин* входит в градское общество только своей общественной, публичной стороной. Если бы слово *гражданин* обладало понятийным содержанием, такое уточнение было бы избыточным.

Шифтерные характеристики понятия

Вышеописанная ситуация (терминологизация слова в тексте «Регламента» и потеря понятийного содержания в «Грамоте городам») является источником семантической нестабильности и приводит к своего рода «семиотическому расшатыванию» языковой единицы (нестабильность отношения код — сообщение). Эта нестабильность подлежала устранению. Возможности к этому предоставила публицистика последней трети XVIII в. Новая ситуация связана с тем, что слово *гражданин* становится предметом рефлексии, в том числе метаязыковой. При этом само слово не являлось по умолчанию приоритетным направлением рефлексии. (Так, у А. Н. Радищева равноправными «кандидатами» на устранение семантической нестабильности являются слова *общник* и *сочлен*). Это означает, что слово *гражданин* оказывается в ситуации *grand questionnement*⁴⁴, когда о дальнейшей судьбе данной языковой единицы ничего не может быть известно априори. Для исследователя здесь спрятан определенный источник азарта, когда материал можно «разыграть» в виде задачи «дано» и «найти».

Найти в таком случае требуется лексическое значение исследуемой языковой единицы, но достаточно ли для этого того, что «дано», предстоит выяснить.

«Данным» можно считать следующее: значения, сложившиеся в узусе, определяемые в целом двумя узловыми законодательными текстами Петра I и Екатерины II. Одновременно нельзя не учитывать и смысл, содержащийся в самом факте выбора неполногласной формы. Этот смысл условно можно обозначить как стилистический, подразумевая, что он задает точку зрения на предмет и диктует некое отношение к нему. Эта точка зрения предполагает дистанцию от предмета речи, отвлечение от референта в пользу денотата. Наконец, нельзя не заметить, что *гражданин* выступает как интертекстуальный знак и коннотативно передает смыслы, присущие семантике фр. *citoyen*. Этот параметр тем более специфичен, что объем коннотативно передаваемой информации прямо про-

⁴⁴ Букв. «большого вопрошания», глобальной постановки вопроса (фр.).

порционален степени диффузности границы между стилистическими смыслами 'русскоязычие' и 'франкоязычие'⁴⁵ в языковом сознании авторов статей и их (потенциальных) адресатов. Так, отсылка к «женевскому гражданину» может исчерпываться прочтением имени Ж.-Ж. Руссо, а может декодировать целую полемику, развернувшуюся во Франции вокруг нового значения слова в выражении «citoyen de Genève» (и отраженную, например, в толковых словарях⁴⁶). Представим сказанное в таблице:

Содержание	Значение	Примеры
узуальная семантика	административный термин «экономический ценз»;	<i>Прежде сего купец третьей гильдии, а ныне имянитой гражданин; Записаться в имянитые граждане.</i>
	горожанин	<i>Отъемлют они всякое ободрение от граждан всех своих прочих городов; Города почувствуют властнодержавную десницу разрушения. Чуждо будет гражданам ремесло.</i>
	житель (страны)	<i>Тогда престол царский...сокрушится; Тогда Владыка народов почтется простым гражданином; Рожденный быть простым гражданином, стал он великим человеком; Принужден он был просвещаться как последний гражданин; Чтоб...не почли умножение граждан за малый предмет в столь великом государстве.</i>
<стилистич.значение>	актуализация внутренней формы	<i>Люди всех земель и всех веков подчинены единому законодательству. Они все суть сограждане единого града; Сей град есть вселенная.</i>
интертекстуальный знак	коннотации фр.citoyen	<i>Все под <u>знаменитым</u> именем гражданина предстоять должны; И так вопреки Женевскому гражданину познаем в Петре мужа необыкновенного.</i>

⁴⁵ Классификацию стилистических смыслов в концепции О. Г. Ревзиной см., в частности: Ревзина. Некоторые вопросы и некоторые ответы к экзамену по стилистике (URL: <http://danefae.org/lib/ogrevzina/> (02.12.2014))

⁴⁶ См. об этом: Branca-Rosoff S. Les mots de parti pris. Citoyen, aristocrate et insurrection dans quelques dictionnaires (1762–1798) // Dictionnaire des usages socio-politiques (1770–1815). V. 3: Dictionnaires, normes usages. Paris, 1988. P. 47–75.

Кроме этих статичных (присущих) данных, существуют функциональные данные о семантике слова, само наличие которых показывает, что существующий «запрос» на смысл не может быть реализован в рамках слова, и поэтому отдельные элементы значения (семы) выносятся в синтагму. Значимость имеют следующие параметры: ближайший левый и правый контексты (сочетаемость), синтаксическая позиция (субъектно-объектная структура). Можно выделить следующие модели семантической структуры слова *гражданин* (знаком «_» обозначена позиция лексемы *гражданин*):

Модель	Примеры
‘стать’ _	<i>Восстановление <земледельца> во звание гражданина; Родившись в свет вы стали граждане общества, в коем живете; Но он <человек>... становится послушен велениям себе подобнаго, словом становится гражданином; Ибо гражданин, становясь гражданином, неперестает быть человеком, коего первая обязанность из сложения его производящая, есть собственная сохранность.</i>
_ <должен делать>	<i>Яко часть общества должен ты сделать все то, что полезно человека...отсюда истекают должности гражданина; Недостоин носить имя гражданина; ...Звание гражданина, коего душа должна быть благородна; Мыслим как гражданин; Усердие добрых граждан к государям своим.</i>
<какой> _	<i>Гордые граждане (негативн.); мужество граждан; полезный и добродетельный гражданин; бесполезные граждане; я пребыл добрый гражданин; Скажи, о истинный гражданин!</i>
_ VS ant.	<i>Где же произвол одного есть закон верховный, там есть подданные, но нет граждан; Коварство, пронырство...могут сделать отличного министра, но доброго гражданина николи.</i>
P-O, S-O (предикатно-субъектно-объектная структура, где O — <i>гражданин</i>)	<i>Сохранность граждан, сохранение жизни граждан, несть ненарушимо паче жизни гражданина; В то мгновение...закон стрегущий гражданина был в отдаленности...тогда возродился закон природы, и власть обиженного гражданина...приходила в действительность.</i>

Однако названные модели не покрывают все случаи употребления слова *гражданин*. Нередки и изолированные употребления, характеризующие слово как обладающее стабильной полноценной семантикой. Достаточно сравнить следующие два употребления:

(А) *Принудить граждан поступать только сходственно с намерениями законоположника.*

(В) *Коварство, пронырство... могут сделать отличного министра, но доброго гражданина николи.*

В примере (А) никакие семы лексемы 'гражданин' не вынесены в синтагму, слово находится в позиции субъекта в предложении, где роль агенса приписана законоположнику. Означающее *гражданин* здесь — семантическая роль, заполняющая валентность адресата (задаваемую предикативным именем: *законоположник* — 'тот, кто создает закон'). Здесь идет речь не о понятийном содержании лексемы, а о ее способности исполнять определенную семантическую роль в определенном типе дискурса (правовой дискурс, субъект этого дискурса).

В примере (В) — ровно наоборот: слово обнаруживает семантическую недостаточность, в связи с чем существенные элементы значения выносятся в синтагму (антонимический ряд *министр-гражданин*, атрибут *добрый*), входит в конструкцию с каузальной семантикой («сделать»). Все это насыщает слово понятийным содержанием, создавая вокруг него определенный «концептуальный ореол», акцент здесь на динамике становления смысла.

Приведенные выше модели покрывают случаи типа В, но возникает вопрос: как возможен тип А (семантика «умещается» в слове и не требует экспликации)? Если мы вернемся к тому, что было вынесено в «дано», то увидим, что единственное тому объяснение — интертекстуальность. «Первичная техника интертекстуальности — это техника повтора, но сам по себе повтор интертекстуальности не создает ... Интертекстуальный повтор связан с высказыванием, то есть он предполагает акт референции. Тем самым высказывание помещается в дискурс ... в пространстве дискурса высказывание наделяется совершенно новыми — интертекстуальными связями и новыми функциями»⁴⁷. Таким образом, если слово *гражданин* способно выступать в роли языковой единицы типа А, то это возможно потому, что такое употребление русского слова *повторяет* употребление французского слова, воспроизводя в дискурсе соответствующий акт референции (правовая сфера).

Вырисовывается в некоторой степени парадоксальная картина: в ответ на наш вопрос о лексической семантике слова *гражданин* единицы типа А отсылают к концепту-источнику интертекстуальности (*citoyen*), а единицы типа В — к контекстному окружению. Парадоксальность состоит в том, что к слову, стабильно входящему в лексический состав русского языка, подлежащего на протяжении этой истории различным словарным дефинициям, и не вызывающему сомнений исследователя в том, что оно обладает определенной семантикой (вопрос только — какой), — к этому слову оказываются применимы характеристики шифтеров, которые Р. Якобсон назвал «индексными символами»⁴⁸. «Общее

⁴⁷ Ревзина. Лингвистика XXI века: на путях к целостной теории языка (URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/revzina-04.htm> (02.12.2014).

⁴⁸ Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков разного строя / Сост. О. Г. Ревзина, Б. А. Успенский. М., 1972. С. 97.

значение шифтеров не может быть определено без ссылки на сообщение» [там же], однако «каждый шифтер имеет свое...значение»⁴⁹.

Это совпадение едва ли является случайным. Сама идея дейктической природы концептов ранее уже была высказана Н. Ю. Шведовой в предисловии к «Идеографическому словарю» (2011 г.): «Концепт неотрывен от смыслового строя языка, от его дейктической системы: он является носителем тех глобальных смыслов, которые формируют дейктическую систему языка»⁵⁰. Этот тезис не был, насколько нам известно, раскрыт в работах по истории понятий. Однако представляется, что именно это понимание может стать основой «лингвистического поворота» в *Begriffsgeschichte*.

Некоторые итоги

Как бы ни понимался *linguistic turn*⁵¹ в гуманитарных науках XX в., непосредственно подготовивший почву для возникновения *Begriffsgeschichte*, это был поворот в сторону языка, но не лингвистики. И при всей значимости, какая приписывается социально-политическим концептам в исследованиях по истории понятий, в центре интереса всегда находится внеязыковая действительность, но не сами слова. Возвращаясь к изложенному в начале статьи тезису Р. Козеллека о том, что «понятия представляют собой смешение прошлого опыта, современной реальности и ожиданий от будущего»⁵², попытаемся дать этому положению лингвистическое истолкование на основании проведенного анализа истории понятия *гражданин*. Основные выводы этого анализа таковы:

Базовая для русской культуры семантическая оппозиция «церковнославянизм — русизм» является основополагающей для формирования понятия о гражданине как о правовом субъекте. Расподобление слов *горожанин* и *гражданин*, закрепление социально-политического значения за церковнославянской формой — это история формирования ключевого смысла русского концепта *гражданин*: доминирование идеологического и риторического, а не прагматического содержания термина (и вследствие чего синонимические отношения в паре *гражданин — подданный*).

Востребованность этого смысла связана с теми условиями, в которых начинается формироваться понятие о гражданине как об адресате «дискурса власти». Переходным этапом является перестройка коммуникативной структуры правового текста, которую мы наблюдаем в «Регламенте» Петра I. Отношения отправителя и получателя выражены в тексте за счет вербализации позиции адресата, которую и заполняет форма *гражданин*. Корень *гражд-* оказывается продуктивным для формирования терминологии политико-правовых отношений — в тексте «Регламента» возникает модель «гражданин-гражданство», представляющая, фактически, средства структуриации социума (понятие «среднего сословия»).

⁴⁹ Якобсон. Указ. соч. С. 98.

⁵⁰ Шведова Н. Ю. Русский идеографический словарь. Мир человека и человек в окружающем его мире. М., 2011. С. V.

⁵¹ См., напр.: Копосов Н. Е. Как думают историки. М., 2001. С. 284–295.

⁵² Козеллек. Указ. соч. С.27.

Устранение механизма правового взаимодействия гражданина и власти осуществляется через аннигиляцию семантики терминологического статуса пары *гражданин—гражданство* в тексте «Грамоты городам» Екатерины II. Фактически это означает устранение оппозиции «церковнославянизм-русизм» и введение большого числа лексем с корнем *город-*, не имеющих статуса термина.

Сложившаяся ко второй половине XVIII в. «конфликтная» в языковом плане ситуация в отношении семантики слова *гражданин* находит разрешение в противостоящем «дискурсу власти» жанре публицистики. Здесь раскрывается внутренняя динамика понятия, смысловой объем слова значительным образом расширяется. Существенную роль здесь играет языковое сознание авторов создаваемых текстов: русское слово *гражданин* становится носителем коннотативных смыслов, присущих слову *citoyen* в языке предреволюционной Франции.

Слово *гражданин* обнаруживает стабильную «семантическую недостаточность», проявляющуюся в том, что значимые компоненты этого понятия выносятся в синтагму («добрый гражданин», «мыслить как гражданин», «восстановить во звание гражданина»). Однако эти компоненты не являются устойчивыми элементами значения, они всегда контекстуальны. На этом этапе слово фактически уподобляется функционированию шифтеров — единиц, указующих на смысл, но не называющих его в отрыве от контекста.

Эти перечисленные «вехи» истории понятия *гражданин* возвращают нас к поставленной акад. В. В. Виноградовым уже более полувека назад проблеме «тождества слова»⁵³: в самом деле, при тех порой кардинальных изменениях, которые переживает слово, что дает нам основание видеть его как некое единство? Варианты ответа на этот вопрос удручающе категоричны: либо отказаться от идеи тождества слова (А. А. Потебня⁵⁴), либо встать на трудный путь объяснения законов семасиологических изменений (М. М. Покровский). В этом выборе заключается ставшая классической апория лексической семантики⁵⁵ — изменения vs тождественность жизни слова. «Слово имеет определенный семантический потенциал, — пишет Г. И. Кустова. — Это те возможности, которые предоставляет говорящим исходное значение и связанная с ним ситуация для осмысления, концептуализации других ситуаций...которые [данным словом] можно “охватить”»⁵⁶. Именно в значении семантического потенциала следует понимать термин Р. Козеллека «темпоральная структура» с точки зрения лингвистики. История слова и понятия — последовательное раскрытие этого семантического потенциала во времени.

Ключевые слова: история понятий, концепт, историческая семантика, социально-политический дискурс.

⁵³ Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // История слов. М., 1999. С. 5–39.

⁵⁴ Ср.: «На деле есть только однозвучность различных слов» (Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1. С. 15).

⁵⁵ См. об этом: Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004. С. 14–29.

⁵⁶ Кустова. Указ. соч. С. 29–30.

THE WORD AND THE NOTION *CITIZEN*
IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 18TH CENTURY:
THE PROBLEM OF THE LINGUISTIC BASIS
OF THE HISTORY OF CONCEPTS

G. DURINOVA

Since the so-called «linguistic turn» in the humanities in the second half of the 20th century, the socio-political vocabulary of various European languages has been the subject of *Begriffsgeschichte*, the history of concepts. History of words and concepts expressed belongs to traditional problems of diachronic semantics. However, due to its initial specificity (relationship with historical science rather than linguistics), the history of concepts appears in the first hand to apply to extralinguistic phenomena. One of the theses of R. Koselleck, the leading figure in the developing of *Begriffsgeschichte*, is that socio-political concepts are not only a factor but also an indicator of historical changes. In order to support this statement one should study the logic that operates in the language when forming the meaning of a word.

In the formation of the concept of *гражданин*, the opposition of the Church Slavonic and the Russian forms (*гражданин* ~ *горожанин*) plays the key role. This opposition is related to the «juridical dualism» (V. M. Zhivov), which was expressed in the parallel existence of the two legal traditions, namely the Byzantine juridical norm and the Russian law. These traditions were maintained by the Church Slavonic and the Russian languages respectively. The juridical dualism is expressed in the functional value of these two traditions. The Church Slavonic forms were supported by the cultural tradition and ideological significance, whereas the Russian forms pertained to practical activities and day-to-day routines. The fact that it was the form *гражданин* that became the term of the socio-political vocabulary is crucial for the semantic characteristics many times observed by scholars: for the Russian concepts of *гражданин* the central characteristics are moral and ethical rather than legal.

However, before this specific notion starts to develop, the mere concept of it should become in demand. In the Russian legal tradition, there is no position of the legal entity. Considerable changes take place in legislative texts of the 18th century. In *Регламент* of Peter I we observe for the first time an attempt to create a terminological system where the words with the root *гражд-* (*гражданин*, *гражданство*) are the basic element. The communicative structure of the text is organised in such a way that it is *гражданин* that acts as the addressee of the discourse of the authorities. The opposite is observed in *Грамота городам* of Catherine II, which consistently eliminates the terminological meaning of the word *гражданин*. This is expressed in introducing a large number of lexemes with the root *гор-* and equalising these forms as lacking the ideological value. However, in the last third of the 18th century a language that is an alternative to the official discourse of the authorities appears: it is the language of opinion journalism. Here, the role of a individual, consciously looking for the meaning of language forms, is linguistically more significant. The French-Russian bilingualism is typical of essayists of this period,

which allowed them to impose the meaning of the French socio-political term *citoyen* on the Russian word. In this period the internal dynamics of the semantic structure of the word *гражданин* becomes visible. The transparent internal form makes this word stylistically marked (cf.: *граждане единого града, который есть Вселенная* ‘citizens of the same city, which is the Universe’). In works of such authors as A. A. Radishchev, D. I. Fonvizin, N. I. Novikov, *гражданин* is an intertextual symbol, rendering the meaning of the French concept *citoyen* and the debate on the socio-political content of the concept (topical for the pre-revolutionary France). The specificity of the Russian concept *гражданин* is expressed in including semantically significant elements of the meaning in the phrase (such characteristics as ‘kind’, ‘reasoning’, etc.) Such specifically linguistic parameters constitute R. Koselleck’s «temporal structure of the concept», while the history of this concept appears to be a consistent realisation of the semantic potential of the linguistic form.

Keywords: history of concepts, diachronic semantics, *Begriffsgeschichte*, the Russian language of the 18th century, socio-political terms

Список литературы

1. Benveniste E. 1966. Problèmes de linguistique générale, I. Paris.
2. Branca-Rosoff S. Les mots de parti pris. Citoyen, aristocrate et insurrection dans quelques dictionnaires (1762-1798) // Dictionnaire des usages socio-politiques (1770-1815). V.3: Dictionnaires, normes usages. Paris, 1988. P. 47-75.
3. Guilhaumou J. Discours et événement. L’histoire langagière des concepts. Paris, 2006.
4. Koselleck R. Futures past. On the semantics of historical time. N.-Y., 2004.
5. Алексеев А. А. История слова граждан в XVIII в. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1972, Вып.1, янв.-фев., том XXXI.
6. Веселитский В. В. Из наблюдений над языком произведений А.Д. Кантемира (общественно-политическая лексика) // Процессы формирования лексики русского литературного языка (От Кантемира до Карамзина) / Ю.С. Сорокин, ред. М.- Л., 1966.
7. Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // История слов. М., 1999. С. 5-39.
8. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2014.
9. Гийому Ж. Лингвистическая история концептуальных словоупотреблений, проверенная на опыте лингвистических событий // История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010.
10. Дуринова Г. В. История понятия *гражданин* и вопрос о происхождении *общества* // От формирования ценностей к изобретению традиций. Сборник XIII международной научно-практической конференции молодых ученых “Векторы развития современной России” / М.Г. Пугачев и др., ред. М.: МВШСЭН, 2015. (на 02.12.2014 в печати).
11. Живов В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002.
12. Кандаурова Т. Н. О характере оппозиций в парах соотносимых между собой неполногласных и полногласных слов (на материале древнерусского письменного литературного языка XI—XIV вв.) // Ученые записки Московского государственного педагогического института. М., 1967. С. 375-390.
13. Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010.

14. *Копосов Н. Е.* Как думают историки. М., 2001.
15. *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
16. *Лукин П. В.* Древнерусские понятия «горожанин», «гражанин», «гражданин» // Российская история. 2014. № 4. С. 140-146.
17. *Марасинова Е. Н.* Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008.
18. *Марасинова Е. Н.* Рабы и граждане в Российской империи XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008.
19. *Маслов Б. П.* Рождение и смерть Добродетели в России: о механизмах пропаганды понятий // Понятия о России. Т. I. М., 2012. С. 343-382.
20. Полное собрание законов Российской империи. Т. VI, № 3708. Регламент или устав главного магистрата (URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html (02.12.2014)).
21. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII. № 16188. Грамота на права и выгоды городам Российской империи (URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html (02.12.2014)).
22. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. I. М., 1958.
23. *Седакова О. А.* Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю. М., 2005. Available at: <http://ekislova.ru/russian/gram> (07.12.2014).
24. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2-3. СПб., 1902, 1912.
25. *Ревзина О. Г.* Безмерная Цветаева. Опыт системного описания поэтического идиолекта. М., 2009.
26. *Ревзина О. Г.* Лингвистика XXI века: на путях к целостной теории языка (URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/revzina-04.htm> (02.12.2014)).
27. *Ревзина О. Г.* Некоторые вопросы и некоторые ответы к экзамену по стилистике (URL: <http://danefae.org/lib/ogrevzina/> (02.12.2014)).
28. *Ревзина О. Г.* Темпоральная структура концепта // Языковые параметры современной цивилизации. Сборник трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю. С. Степанова. М., 2013. С. 183-192.
29. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 5. СПб., 1989.
30. *Тимофеев Д. В.* Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX в. Челябинск: Энциклопедия, 2011.
31. *Титов Ю. П.* Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2013.
32. *Турьгин А. А.* «Билефельдская школа»: теоретико-методологические основы и их критика в современной историографии ФРГ: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2006. РГБ ОД, 61:07-7/210.
33. *Улханов И. С.* Историческое словообразование. Историческая лексикология. М., 2012.
34. *Шведова Н. Ю.* Русский идеографический словарь. Мир человека и человек в окружающем его мире. М., 2011.
35. *Якобсон Р. О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков разного строя. М., 1972. С. 95-111.
36. *Янов А. Л.* Россия и Европа: 1462-1921. Книга 1. Европейское столетие России. М., 2008.